

В разделах втором и третьем, соответственно «Критика и библиография» и «Хроника научной жизни», также был представлен ряд интересных публикаций. Так, в разделе втором с рецензиями выступили Л.П. Маринович (на кн.: *Le Rider G. Alexandre le Grand. Monnaie, finances et politique*. P., 2003), М.М. Холод (на кн.: *Казаров С.С. Царь Пирр и Эпирское государство в эллинистическом мире*. Ростов-на-Дону, 2004) и Л.А. Меньшиков (на кн.: *Широкова Н.С. Мифы кельтских народов*. М., 2004); в разделе третьем отметим статью Э.Д. Фролова, посвященную памяти выдающегося археолога и историка Ярослава Витальевича Доманского, и отчет о студенческой научной конференции «Цезарь и цезаризм», прошедшей на историческом факультете СПбГУ в марте 2004 г., написанный студентом-античником Александром Кругловым.

В заключение хотелось бы сообщить о том, что начиная с третьего выпуска альманах «Мнемон» приобрел статус вполне официального, признанного на международном уровне периодического издания, что выразилось в предоставлении ему соответствующего ISSN. Остается только пожелать, чтобы это, безусловно, позитивное событие послужило поводом к расширению круга авторов, сотрудничающих с альманахом, и, что особенно важно, читательской аудитории, чему, как мы надеемся, хотя бы в малой степени поспособствует также и наш скромный обзор.

К.В. Вержбицкий

© 2005 г.

VENIT M.S. Monumental Tombs of Ancient Alexandria. The Theater of the Dead. Cambridge: CUP, 2002. XV, 267 p.

Книга профессора Мэрилендского университета (США) Марджори Сьюзен Венит посвящена монументальным гробницам греко-римской Александрии, – пожалуй, самой интересной и представительной группе памятников древнего города. В последнее время интерес к истории и археологии Александрии заметно возрос благодаря открытиям, сделанным французскими и египетскими археологами на территории города и его окрестностей. Прежде всего необходимо отметить подводные исследования в районе форта Каит-Бей (остров Фарос в древности), Восточной гавани, мыса Абукир (древний Какол), раскопки некрополя Габбари и спасательные работы на местах городского строительства (например Александрийской библиотеки), проводимые с начала 1990-х годов Центром александрийских исследований под руководством Ж.-И. Амперера и Европейским институтом подводной археологии, возглавляемым Ф. Годдио. В ходе этих исследований были получены результаты, которые дают много новой информации по истории и археологии античной Александрии: обнаружены фрагменты знаменитого маяка, зафиксированы следы «царского квартала», найдены великолепные статуи и мозаики, открыты затопленные города Гераклион и Мснуфис и т.д.¹

Несмотря на впечатляющие открытия последних лет, по-прежнему мало известно о том, какими были в реальности знаменитые александрийские постройки и памятники, описания которых, зачастую фантастические, можно найти у античных и более поздних авторов, и топография древнего города в целом². Ранние слои Александрии целиком покоятся под современным городом, отстроенным на руинах в первой половине XIX в. по приказу египетского паши Мухаммеда Али³. Это обстоятельство сделало невозможным проведение здесь масштабных систематических раскопок, локальные же исследования начались довольно поздно, в конце XIX в.,

¹ См. *Empereur J.-Y. Alexandrie redécouverte*. P., 1998; *Goddio F. et al. Alexandrie. Les Quartiers gouaux submergés*. L., 1998; *La Gloire d'Alexandrie*. P., 1998. Самую последнюю информацию об археологических работах и открытиях в Александрии см. в издаваемых IFAO с 1998 г. «*Études alexandrines*» (на 2002 г. вышло шесть томов отчетов).

² Вышедшие в 1960-е – начале 1970-х годов капитальные труды А. Адриани (*Adriani A. Repertorio d'arte dell'Egitto greco-romano. Series C. Vol. I–II. Palermo, 1966*) и П. Фрэзера (*Fraser P.M. Ptolemaic Alexandria. Vol. I–III. Oxf., 1972*) по-прежнему остаются основными справочниками по истории, памятникам и топографии греко-римской Александрии.

³ Этот считающийся просвещенным правитель мало интересовался прошлым Египта. Он даже предложил инженеру Л. де Бельфонду разрушить пирамиды, чтобы построить плотину через Нил (см. *Empereur J.-Y. Alexandria: Past, Present and Future. New Horizons*. L., 2002. P. 96–97).

причем ведущие западные археологи, которых в большей степени интересовали памятники фараоновского Египта, поначалу принимали в них слабое участие. Оживление археологической деятельности наблюдалось в межвоенный период, совпавший с экономическим и культурным подъемом города. Однако с приходом к власти Гамаль Абдель Насера, взявшего курс на сворачивание контактов с Западом, Александрия несколько десятилетий оставалась в стороне от археологических экспедиций и туристических маршрутов (и сегодня она менее посещается туристами, чем Каир, Гиза или Верхний Египет). К тому же промышленный и демографический рост современного мегаполиса, насчитывающего свыше пяти миллионов жителей, оказывает разрушительное воздействие на немногие сохранившиеся памятники и затрудняет их исследование⁴. Это касается и подземных сооружений Александрии – гробниц-гипогеев, хотя они уцелели гораздо лучше, чем наземные памятники римского и особенно птолемеевского времени⁵. Некоторые из этих гробниц затоплены и нуждаются в срочных спасательных работах⁶, другим угрожает интенсивное городское строительство (так, спасательные раскопки, организованные Центром александрийских исследований в ходе строительства дорожной эстакады в западной части города, выявили обширный некрополь Габбари, датируемый III в. до н.э. – VII в. н.э. и насчитывающий несколько сот тысяч погребений – масштабы, доселе неведомые античному миру⁷). В контексте всего вышесказанного выход в свет рецензируемой книги представляется весьма актуальным.

М. Венит в самом начале формулирует основные задачи своей работы, их как минимум три. Во-первых, привлечь внимание специалистов и широкой публики к александрийским гробницам, среди которых встречаются такие выдающиеся памятники древности, как великолепно сохранившаяся Большая катакомба в Ком эль-Шукафа. Во-вторых, запечатлеть эти гробницы хотя бы на бумаге, поскольку не все из них в конечном счете уцелели *in situ*, а посвященные им более ранние публикации (в основном датируются концом XIX – началом XX в.), как правило, труднодоступны. В-третьих, – и это собственно содержательная задача – исследовать архитектуру и декор александрийских монументальных гробниц, проследить их эволюцию и показать культурное значение. В целом автор книги рассматривает гробницы как ценный исторический документ, повествующий более подробно и наглядно, чем другие источники, о социальных, культурных и религиозных переменах, происходивших в городе на протяжении шести веков. Нельзя не согласиться с таким подходом в свете малодостоверности античного нарратива о греко-римской Александрии, скудости ее эпиграфических и папирусных источников⁸.

Содержание книги строится по хронологическому принципу – от раннеэллинистических памятников к более поздним римским. Хронологические рамки исследования, таким образом, датируются временем от основания Александрии в 331 г. до н.э. до распространения христианства в эпоху Поздней римской империи.

⁴ Особый урон наносит бесконтрольное строительство многоэтажных зданий с подземными конструкциями, нарушающее древние культурные слои, которые залегают на глубине не менее 10 метров.

⁵ К началу 1990-х годов на археологической карте Александрии было зафиксировано не более 200 топографических объектов птолемеевского времени, включая не только памятники, но и отдельные предметы (скульптура, надписи, фрагменты архитектурного декора); см. *Tkaczow B. The Topography of Ancient Alexandria (An Archaeological Map). Varsovie, 1993.*

⁶ См., например, *Bonacasa N. The Hellenistic-Roman Necropolises of Alexandria // Egyptology at the Dawn of the Twenty-First Century. Proceedings of the Eighth International Congress of Egyptologists / Ed. Zahi Hawass, L.P. Brock. Vol. I. Cairo, 2000. P. 92–96.* Автор рецензии мог лично наблюдать плачевное состояние гробниц некрополя Анфуши во время поездки в Александрию весной 2003 г.: из трех уцелевших на сегодня гробниц две затоплены и лишь одна открыта для туристов.

⁷ Первые результаты этих раскопок опубликованы в сборнике: *Nécropolis 1 / Ed. J.-Y. Empereur, M.-D. Nenna. Le Caire, 2001.*

⁸ Корпус недавно изданных греческих и латинских надписей Александрии насчитывает чуть более 200 документов – довольно скромная цифра для одной из крупнейших столиц античного Средиземноморья. См. *Bernard E. Inscriptions grecques d'Alexandrie ptolémaïque. Le Caire, 2001* – издание насчитывает лишь 79 надписей (надгробные надписи, надписи на вазах и мозаиках, а также надписи, чье происхождение спорно, не включены в сборник), оно дополняет 128 опубликованных греческих и латинских надписей римской Александрии – см. *Kayser F. Recueil des IGL d'Alexandrie impériale (I–III siècle apr. J.-C.). Le Caire, 1994.* Что касается папирусов, то они не сохранились в Александрии, как и в других поселениях Дельты, из-за слишком высокого уровня подземных вод. Те же редкие документы, которые происходят из других мест Египта и по своему содержанию относятся к Александрии («Дикайомата», «александрийское досье» архива Зенона, отдельные оксиринхские папирусы), мало что добавляют к нашим знаниям об истории и топографии города.

Работа состоит из семи глав, двух приложений и дополняется списком использованной литературы и указателями. Стремясь выполнить вторую задачу, М. Венит поместила на страницах своей прекрасно изданной большим форматом книги 10 цветных и 160 черно-белых иллюстраций.

I глава «Монументальные гробницы древней Александрии: общая картина» носит вводный характер и посвящена отдельным вопросам истории города, его социальному и этническому составу, культурным и религиозным традициям, которые существенно влияли на архитектуру погребальных памятников Александрии. Но вначале автор обращается к самой знаменитой и загадочной гробнице города (если не всего эллинистического мира) – так называемой «Семе», или «Соме», гробнице Александра Македонского.

Неоднократные упоминания о ней мы найдем у древних авторов⁹, однако до сих пор она не найдена и по-прежнему ведутся споры о ее локализации. На сегодня одна из наиболее популярных версий – связь «Семы» с Алабастровой гробницей (ее фотография помещена на с. 8 рецензируемой книги), открытой в 1907 г. в восточной части города, где располагается Латинское кладбище. По мнению автора, это сооружение можно рассматривать как часть гробницы Александра, на что указывает местоположение памятника. Именно здесь, возможно, находился символический центр изначального города, образуемый пересечением двух главных улиц. Впрочем, в этом нельзя быть полностью уверенным, поскольку, во-первых, остается ненайденной александрийская агора, где скорее всего должна была находиться могила ктиса, а во-вторых, основанный Александром город не обязательно имел типичную полисную планировку. Более убедителен другой аргумент автора – уникальный внешний облик Алабастровой гробницы, которая не похожа на традиционные александрийские гипogeи. Она построена из алабастровых плит, в то время как остальные гробницы высечены в материковой скале (Александрия лежит на скальном известняковом выступе, протянувшемся от Ливии до Западной Дельты, поэтому здесь удобные естественные условия для сооружения скальных гипogeев). Архитектурно Алабастровая гробница ближе к аналогичным македонским образцам, что, по мнению автора, указывает на ее исключительный характер и раннюю датировку. Даже если это не легендарная «Сема» (на мой взгляд, приведенных автором аргументов в пользу такого отождествления явно недостаточно), то наверняка мы имеем дело с птолемеевской царской гробницей, в которой отражены основные черты гробницы Александра, – в конечном счете к такому выводу приходит М. Венит, и он представляется более резонным.

Говоря о птолемеевской Александрии, автор отмечает неясность и спорность ряда важнейших сторон ее истории – от основания города (проблема Ракотис) и его политического устройства (существовали ли здесь органы самоуправления и можно ли считать их полисными) до его внешнего облика (выглядела ли Александрия как греческий полис). В частности, последний вопрос далеко не прост, ибо у нас нет надежных сведений об архитектуре и планировке столицы, а находки последнего времени, например, выполненные в типично египетской манере колоссальные статуи III в. до н.э. из портовой части города, вносят в него дополнительную сложность. Продолжая тему, начатую мэтром французской египтологии Ж. Йойоттом, который обратил внимание на сравнительно большое количество египетских памятников, недавно найденных в Александрии¹⁰, М. Венит все же придерживается традиционного взгляда на этот город как греко-македонский, эллинистический в своей основе, с отдельными египетскими вкраплениями (иными словами, не «Александрия Египетская», а «Александрия при Египте»). «Город без прошлого, Александрия настойчиво искала греческие корни» (с. 10) и находила их во многом благодаря своему географическому положению. Экономика этой средиземноморской столицы базировалась на морской торговле, отсюда – космополитизм, открытость и изменчивость городской жизни и культуры, отразившиеся и на александрийских погребальных памятниках.

Автор отдельно останавливается на широко обсуждаемой сегодня проблеме этнической принадлежности и социального статуса в птолемеевском Египте¹¹. Известно, что его население было полиэтничным: наряду с греками и египтянами здесь проживали арабы, ливийцы, иудеи, сирийцы и выходцы из других регионов Африки, Эгеиды и Восточного Средиземноморья. Однако во многих случаях, когда речь заходит об обществе птолемеевского Египта, трудно говорить об

⁹ См. *Diod.* XVIII. 28. 4; *Strabo.* XVII. 1. 8; *Curt.* X. 10. 20; *Jos. Flav. Contr. Apion.* II. 57; *Suet.* Aug. 18; *Calig.* 52; *Dio Cass.* 51. 16. 3–5; 75. 13; *Ps. Callisth.* III. 34c; *Jul. Val.* III. 57; *Ach. Tar.* V. 1; *Suid.* S.v. 'Αλεξάνδριος и др.

¹⁰ См. *Yoyotte J. Pharaonica // Goddio et al. Op. cit.* P. 199–244.

¹¹ См. *Goudriaan K. Ethnicity in Ptolemaic Egypt.* Amsterdam, 1988; *Bagnall R.S. Greeks and Egyptians. Ethnicity, Status, and Culture // Cleopatra's Egypt. Age of the Ptolemies.* N.Y., 1988. P. 21–25; *Ethnicity in Hellenistic Egypt / Ed. P. Bilde et al. Aarhus, 1992* и др.

этно-социальной принадлежности его представителей вследствие размытости и подвижности этнических, социальных и культурных границ. Так, в тех или иных ситуациях египтяне могли быть культурно или социально «греками» и, наоборот, перенимая местные религию, обычаи, ритуалы, греки становились «египтянами». Зонам осмоса благоприятствовали объективные условия совместного проживания – к такому выводу можно прийти после знакомства с фиксируемыми повседневную жизнь документами того времени, например папирусами Зенона. Думается, что в случае с Александрией этому в значительной мере способствовал феномен средиземноморского портового города. К сожалению, М. Венит не приводит конкретных исторических и социологических примеров по данному вопросу, придерживаясь априорной точки зрения на древний этнос, которая восходит к норвежскому антропологу Ф. Баргу, полагавшему, что этническое, этнос – не столько биологическая данность, сколько динамичная социальная или культурная конструкция, и ее определяющим индикатором является самосознание, а не биологическое происхождение¹². Как бы там ни было, аморфность этнических и социальных границ действительно отразилась в александрийских некрополях с характерным для них смещением похоронных обрядов (одновременно встречаемые мумификация, кремация и трупоположение), отсутствием четких индикаторов, позволяющих определить этнос, социальное происхождение и религию погребенных (последнее особенно заметно на примере еврейских и христианских погребений), и преобладанием больших коллективных (семейных, корпоративных, цеховых, профессиональных и т.д.) захоронений.

Отмечу также те разделы главы, которые посвящены семантике обряда погребения с его греческим и египетским ритуалами, а также описанию устройства классической александрийской гробницы-гипогей. Архитектурно монументальные гробницы Александрии не имеют четко выраженных предшественников, возможно, на них повлияли скальные гипогеи Малой Азии, Верхнего Египта или Саккары, но прямых тому подтверждений у нас нет. Еще в 1919 г. немецкий исследователь Р. Пагенштегер выделил два типа александрийских гробниц – «ойкосный» (помещения вдоль одной оси) и «перистильный» (помещения вокруг двора)¹³, с тех пор его классификация утвердилась в литературе; ее придерживается и автор книги, хотя считает на сегодня устаревшей и не отражающей реальной действительности. Александрийские гробницы, справедливо отмечает М. Венит, эволюционировали от примитивных могил раннептолемеевского времени к более поздним монументальным гипогеям с разнообразной планировкой и пышным внутренним декором.

Во II главе «Первые монументальные гробницы и их прототипы» М. Венит обращается к погребальным памятникам раннего некрополя Шатби (IV–III вв. до н.э.), расположенного в восточной части города, и показывает, как появились первые монументальные гробницы. Им предшествовали простые могилы в виде ям и колодцев, которые вырубались в скале на глубину до полутора метров; они не имели каких-либо наземных сооружений, кроме каменных или керамических надгробных плит. Позже на смену колодцам пришли подземные коридоры и галереи с погребальными камерами – прообразы монументальных гипогеев греко-римской Александрии (впрочем, рядовые погребения в виде простых колодцев существовали наряду с монументальными гробницами на протяжении всей истории города). К таким прототипам относится «Гипогей А» (его описание дано на с. 27–31), датируемый по найденной здесь вазе-гидрии, служившей погребальной урной, рубежом IV–III вв. до н.э. В планировке ранних гипогеев уже присутствуют элементы и «ойкоса», и «перистилья», а для интерьера характерны выполненные в иллюзионистской технике (имитация мрамора или алабастра) росписи. По мнению автора, именно на рубеже IV–III вв. до н.э. вырабатываются основные принципы архитектуры и декоративного оформления александрийских монументальных гробниц, в которых еще преобладают греческие мотивы.

III глава «Театр мертвых: театральность александрийских гробниц» рассматривает более поздние (III–II вв. до н.э.) гробницы из кварталов Сиди Габр, Мустафа Паша и садов Антониадиса. Автор отмечает возрастание в них роли иллюзионистского театрального начала. Некоторые гипогеи (например 1, 2 и 3 Мустафа Паша) представляют собой буквально место для постановки погребального действия – с пышным интерьером (сцена, где справлялся обряд погребения, росписи под архитектурный декор, богато украшенные *klinai* – погребальные лежа) и сложной планировкой (наземный двор, вход в подземный вестибюль, погребальные камеры с нишами-ло-

¹² См. *Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Culture Difference* / Ed. F. Barth. Boston, 1969. P. 9–38.

¹³ *Pagenstecher R. Nekropolis. Untersuchungen über Gestalt und Entwicklung der Alexandrischen Grabenlagen und ihrer Malerein.* Lpz, 1919.

culi и ложами-klinaí). По словам автора, на облик александрийских гробниц сильное влияние оказал античный театр, игравший, как в любом греческом полисе, важную роль в жизни города. За подтверждением М. Венит обращается к античным рассказам о театрализованных процессах и представлениях, происходивших в раннептолемеевской Александрии. Данный аргумент, однако, мне представляется необудительным. Во-первых, дошедшие до нас немногочисленные свидетельства (кроме «помпы» Птолемея Филадельфа в описании Калликсена Родосского (Athen. V. 196b–203b) и праздника Адониса в «Сиракузянках» Феокрита (Id. XV), трудно припомнить что-либо еще) касаются не собственно театра, а организуемых царским двором театрализованных праздников. Во-вторых, археологические раскопки пока не выявили следов городского театра птолемеевской эпохи, в отличие от театра римского времени, поэтому, строго говоря, нам ничего не известно о самом его существовании¹⁴. Думается, причины «театральности» александрийских монументальных гробниц следует искать не столько в полисных учреждениях города, сколько в массовой религии той поры, в греческих и египетских мистериях, культурных и эстетических запросах горожан.

В IV главе «Гробницы острова Фарос: культурное взаимодействие и этническая принадлежность» речь идет о позднептолемеевских (II–I вв. до н.э.) некрополях Рас эль-Тин и Анфуши, расположенных в северной части города – там, где в древности был остров Фарос. Здешние монументальные гробницы демонстрируют проникновение в архитектуру и особенно интерьер египетских черт. Процесс египтизации жизни эллинистической столицы, видимо, начался с момента ее основания, но заметно ощутимым стал спустя по меньшей мере столетие. Раньше всего он проявился в распространении египетских религиозных культов (Серapis, Исиды), позже – в проникновении египетских изобразительных мотивов (например, часто встречаемая в гробничных росписях сцена люстрации мумии) в погребальный декор. В ходе этого постепенного процесса выработался неповторимый стиль александрийских гробниц – синкретичный, вобравший в себя элементы греческого и египетского стилей, но непохожий на каждый из них в отдельности. В этой же главе автор касается проблемы этнической принадлежности гробниц (с. 90–94) и приходит к выводу о том, что проследить по ним этнические признаки практически невозможно. Этот вывод чрезвычайно важен для понимания социальной и культурной жизни птолемеевской Александрии, где смешение этносов и культур действительно вело к складыванию (пусть и на локальном уровне) синкретичной эллинистической цивилизации.

Об одном из самых оригинальных памятников греко-римской Александрии говорится в V главе «Становление индивидуальности. “Сакия-гробница” и некрополь Вардиан». Речь идет о гробнице III из этого некрополя, более известной как «Сакия-гробница». Она была открыта в 1960 г., и с тех пор продолжают споры о ее датировке (от II в. до н.э. до IV в. н.э.) и ее уникальных росписях, не имеющих аналогий в античном искусстве. Гробница состоит из двора и погребальной камеры с двумя боковыми klinaí. Обильные росписи стен двора указывает на то, что первоначально он был крытым. Сохранились изображения сцен сельской жизни (ныне украшают экспозицию Греко-римского музея Александрии): ограда, внутри нее стоит герма с ликом Пана, сад с виноградником, пастух со стадом, птицы в пруду. Уникальный сюжет – водяное колесо-сакия, которое вращают два быка под звуки свирели одетого в плащ-эксомиду мальчика. Росписи глубоко индивидуалистичные и новаторские по манере и технике исполнения; безусловно, они принадлежат большому мастеру, чье имя нам неизвестно. Автор полемизирует с мнением о позднем, христианском, происхождении рисунков и считает, что они относятся к эллинистическому (позднептолемеевскому) времени (с. 113–116). В пользу ранней датировки свидетельствуют архитектура гробницы и стилистика ее изображений. В частности, один из аргументов М. Венит опирается на факт изображения водяного колеса, которое, по ее мнению (со ссылкой на работу Олесона¹⁵), применялось в сельском хозяйстве Египта уже во II в. до н.э. При этом, однако, автор игнорирует не менее авторитетное мнение Д. Бонно, основанное на данных папирусов: сакия повсеместно внедряется в хозяйственную жизнь Египта лишь в римскую эпоху¹⁶. Таким образом, вопрос о датировке гробницы по-прежнему остается нерешенным, как и вопрос о гениальном авторе ее фресок, в любом случае намного опередившем свое время.

¹⁴ Согласно Юлию Цезарю (De bell. civ. III. 112) и Страбону (XVII. 1. 9), театр находился вблизи дворцовой портовой зоны. Современные раскопки в этом районе, правда, ничего не выявили; см. Strabon. Le Voyage en Egypte. Un regard romain / Ed. J. Yoyotte, P. Charvet. P., 1997. P. 88–89. Not. 107.

¹⁵ Oleson J.P. Greek and Roman Mechanical Water-Lifting Devices: the History of a Technology. Toronto, 1984.

¹⁶ См., например, Bonneau D. Le régime administratif de l'eau du Nil dans l'Égypte grecque, romaine et byzantine. Leiden, 1993.

Процесс взаимодействия греческой и египетской культур в области религии и искусства достиг своей кульминации в римскую эпоху. Этой теме посвящена VI глава «Египетские заимствования в римской Александрии», где на примере монументальных гробниц I–III вв. из некрополей Габбара, Рамлех и Ком эль-Шукафа показаны результаты этого процесса. Среди гробниц римского времени самая знаменитая и, пожалуй, самая египтизированная – Большая катакомба из Ком эль-Шукафа (открыта местными жителями в 1900 г.), отличающаяся очень сложной архитектурой (три подземных уровня гробницы-катакомбы насчитывают свыше ста погребальных камер и множество ниш с саркофагами) и роскошным внутренним убранством (арки, портики, колонны, обилие скульптуры, включая хрестоматийного Ануписа в доспехах римского легионера, и т.д.)¹⁷. Довольно подробно автор пишет и о гробнице Тиграна из некрополя Мустафа Паша (с. 146–159) (ныне выставлена рядом с Большой катакомбой) с ее богатой настенной живописью, в которой отчетливо видна доминирующая роль культа Исиды.

Синтез эллинской и египетской культур породил совершенно новые и неповторимые архитектуру и стиль александрийских гробниц, сами по себе плодотворные, способные на дальнейшие эволюцию и влияние, о чем говорится в заключительной VII главе «Наследие александрийских гробниц». Это влияние началось при Птолемеях и достигло пика в эпоху Римской империи, причем его география не затронула собственно Египет – по мнению М. Вениг, еще одно доказательство культурной чужеродности Александрии долине Нила. Как показывают раскопки, гробницы типа александрийских гипогеев локализуются в окрестностях города и на средиземноморском побережье к западу от него (Паретоний – Марса Матрух, Марина эль-Аламейн, Плиятина – Ком эль-Нугус). Вне Египта они встречаются в основном на территориях, входивших в зону птолемеевского административного контроля (Кириенаика, Келесирия, Палестина, Кипр). Влияние александрийской модели автор прослеживает в скальных гробницах Марисы в Идумее, Бет Шарима в Галилее, Тира, Сидона и даже Пальмиры. Несколько раз приводятся аналогии с боспорскими гробницами, однако М. Вениг не касается вопроса о влиянии на них александрийских образцов¹⁸. Замечу, что не все примеры александрийского влияния выглядят убедительными, возможно, в ряде случаев следует вести речь о типологическом сходстве скальных гробниц античности. Говоря о распространении гробниц александрийского круга в христианское время (с. 181–186), М. Вениг обращается к самой Александрии, где известны раннехристианские погребения некрополей Гадра, Габбара и Ком эль-Шукафа, и отмечает их сравнительную малочисленность на фоне большой христианской общины города. Вне его трудно проследить прямое влияние александрийских монументальных гробниц, но не исключено, что они послужили прототипом для христианских гробниц-гипогеев Позднеримской империи, в том числе знаменитых римских катакомб.

В книге два приложения, одно из которых (с. 191–200) представляет собой каталог монументальных гробниц города, составленный по топографическому принципу, с кратким описанием гробницы или некрополя и сопутствующей библиографией. Сведения каталога должны представлять интерес для историков и археологов, поскольку важны для реконструкции культурной топографии греко-римской Александрии. Другое приложение – исследование более специального характера, оно посвящено колонне с канелюрами как одной из архитектурных деталей александрийского гипогея.

Книга имеет обширную библиографию (с. 205–222), примечания (с. 223–259; все 1283 примечания вынесены в конец под общей нумерацией, что не совсем удобно при работе с текстом), именной, предметной и географической указатели (с. 261–267).

В заключение скажу несколько слов по теме, напрямую не связанной с содержанием рассматриваемой работы, но, возможно, объясняющей, почему я решил написать эту рецензию. В настоящее время все мы можем получать научную информацию через интернет. Мои попытки найти на русскоязычных сайтах что-либо заслуживающее внимания о греко-римской Александрии, увы, не увенчались успехом. В одних случаях сталкиваешься с приукрашенными по форме и банальными по содержанию текстами, сильно смахивающими на плохой перевод с французского, и, грешным делом, думаешь: не плагиат ли (см., например, посвященную Александрийской библиотеке статью А. Лялькиной «Библиотека мира» на сайте www.zerkalo-nedeli.com). В других – с претендующими на сенсационность популярными статьями в духе модных глянцевого

¹⁷ Подробное описание гробницы см. на с. 124–145 рецензируемой книги.

¹⁸ См. с. 122, 247 с прим. 854, где автор ссылается на фундаментальный труд: *Ростовцев М.* Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1913–1914. Попутно отмечу, что М. Вениг обходит молчанием другую работу русского историка, в которой он одним из первых обратил внимание на декоративное убранство александрийских гробниц: *Ростовцев М.* Эллинистическо-римский архитектурный пейзаж. СПб., 1908.

журналов (см. сайты www.maat.ru, www.sahmet.mn.ru и др., где можно встретить перепечатки из отечественной периодики). Так, на одном из подобных сайтов я нашел статью Д. Серкова с претенциозным названием «Колосс Фаросский» (впервые опубликована в журнале «Итоги» за 1 июля 2003 г.), которую предваряет следующий анонс: «Ученые Центра египтологических исследований Российской академии наук обнаружили на дне Александрийской бухты гигантский гранитный блок. Это первое вещественное доказательство того, что одно из семи чудес света – Фаросский маяк – действительно существовало». Данное утверждение, как и вся последующая информация, рассчитано исключительно на дилетантов, поскольку в статье ни слова не говорится о поисках следов Александрийского маяка, которые ведутся по крайней мере с XVIII в., не упоминается ни о капитальном труде Х. Тирша¹⁹, ни о подводных исследованиях Г. Жонде, Х. Фрост и Камали Абу эль-Саадата²⁰, ни о последних открытиях Ж.-И. Амперера и его команды²¹. Третью группу представляют сайты для туристов, содержащие откровенный бред. На сайте Travel.Ru в рубрике «Александрия и пляжи средиземноморья» (здесь и далее орфография оригинала сохранена) читаем: «Некрополь Шетби. Построен в 3 веке до н.э. по образцу древнегреческого жилища, состоящего из коридора и двух комнат» (<http://archive.travel.ru/egypt/4714.html>). После всего этого поход в библиотеку и чтение умной и содержательной книги М. Веснит – истинное удовольствие.

Ю. Н. Литвищенко

¹⁹ Thiersch H. *Pharos. Antike, Islam und Occident*. Lpz, 1909.

²⁰ См. *Empereur J.-Y. Le Phare d'Alexandrie. La Merveille retrouvée*. P., 1998. P. 80 ss.

²¹ Характерно, что в весьма лаконичном отчете о первом сезоне (проходил с 8 по 17 апреля 2003 г.) Российской подводно-археологической миссии в Александрии, организованной Центром египтологических исследований РАН при участии Конфедерации подводной деятельности России и ставропольского ГУП «Наследие», нет и намека на какие-либо сенсационные находки и открытия; см. <http://www.cesras.ru/arch/alex/rep.htm>.